

Корни, ствол и крона психологии деятельности¹

В.Т. Кудрявцев

Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ),
Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

Текст представляет собой рецензию на историко-теоретическую книгу Е.Е. Соколовой «Психология деятельности: становление и перспективы развития». Панорама идей психологии деятельности воспроизведена с опорой на исторические и логические основания понятия деятельности в философии и психологии. Эти идеи раскрываются в контексте полилога ученых внутри школы А.Н. Леонтьева и ее широкого референтного круга. Особое внимание уделяется пониманию деятельности как *causa sui* в противовес ее механистическому толкованию. Рассматриваются противоречия и парадоксы деятельности, через фиксацию и разрешение которых складывался способ мышления, характеризующий теорию А.Н. Леонтьева.

Ключевые слова: деятельность, теория деятельности, история, субстанция, *causa sui*.

Для цитаты: Кудрявцев В.Т. Рецензия на книгу: Соколова Е.Е. Психология деятельности: становление и перспективы развития. М.: Канон-плюс, 2023 // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 1. С. 41–44. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190106>

The Roots, Trunk and Crown of the Psychology of Activity²

Vladimir T. Kudryavtsev

Moscow City University; Moscow state University of psychology and education,
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

The text is a review of the historical and theoretical book by E.E. Sokolova Psychology of activity: formation and prospects of development. The panorama of the ideas of the psychology of activity is reproduced based on the historical and logical foundations of the concept of activity in philosophy and psychology. These ideas are revealed in the context of the polylogue of scientists within the A.N. Leontiev school and its wide reference circle. Special attention is paid to the understanding of activity as *causa sui* as opposed to its mechanistic interpretation. The contradictions and paradoxes of activity are considered, through the fixation and resolution of which the way of thinking that characterizes the theory of A.N. Leontiev was formed.

Keywords: activity, theory of activity, history, substance, *causa sui*.

For citation: Kudryavtsev V.T. The Roots, Trunk and Crown of the Psychology of Activity. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2023. Vol. 19, no. 1, pp. 41–44. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190106>

¹ Рецензия на кн.: Соколова Е.Е. Психология деятельности: становление и перспективы развития. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 496 с.

² Review of the book: Sokolova E.E. Psikhologiya deyatel'nosti: stanovlenie i perspektivy razvitiya. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya». 2023. 496 p.

В.П. Зинченко однажды заметил, что психология, по мнению А.Н. Леонтьева, должна расти «не в куст, а в ствол». Как бы там ни было, но, по факту, ствол психологической теории деятельности со временем оброс мощной кроной, некоторые ветви которой напоминают самостоятельные стволы. Не станем перечислять направлений и имен. А объяснение этого следует искать не в стволе, а в корнях. В самом *способе мышления*, который характеризует теорию деятельности. Анализ этого способа проделан в фундаментальном историко-теоретическом исследовании Е.Е. Соколовой, в поисках которой проступает немислимый, по нынешним временам, энциклопедизм.

Теорию деятельности А.Н. Леонтьева иногда называют *психологической (общепсихологической)*. Т. е. неявно предполагается, то в ней представлено понимание деятельности как *психологического феномена*. На самом же деле А.Н. Леонтьев исследует *феномен деятельности как таковой*, но в психологических понятиях с сохраненной философско-антропологической квинтэссенцией его анализа классиками немецкой диалектики (Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем, Фейербахом) и Марксом. У Леонтьева можно обнаружить и обогащение этой квинтэссенции. У К. Маркса есть подкупающе простая, но вместе с тем революционная для социогуманитарного знания формула: история — это «деятельность, преследующая свои цели человека». Взгляд на историю (деятельность человечества) в оптике целеполагания до сих пор задает горизонт человекознания. История, как история целей деятельности, всегда не совпадающих, по Гегелю, с ее результатами, — манящая для наук о человеке перспектива. Мы знаем ее как историю достижений и (реже) поражений человека в творении человеческого мира, в замысел которого он вписывает остальной доступный ему мир. Не разобравшись с природой целеполагания, его развитием, противоречиями и парадоксами в рамках теории деятельности. А А.Н. Леонтьевым это уже сделано. Под впечатлением от его работ В.В. Давыдов однажды провозгласил целеполагание предметом психологии. Человек — всегда родом из будущего, из мира целей. Неслучайно подлинная цель осознается тогда, когда уже достигнут результат и открывается зазор между задуманным и сделанным. Парадоксальные метаморфозы в процессах целеполагания — один из лейтмотивов теории деятельности А.Н. Леонтьева (эту линию позднее развивали О.К. Тихомиров и его школа на материале исследований творчества, что вполне закономерно). Здесь одновременно и вызов, и ответ на многие вопросы современной гуманитаристики.

Концепция А.Н. Леонтьева порой банализировалась, сводясь к набору самоочевидных положений в соответствии с уровнем доступности интерпретаторам, точнее — их времени. Но тексты Леонтьева устроены сложно и «хитро». Некоторые основания ходов мысли не были эксплицированы даже для самого автора (что естественно для мышления). В ряде случаев Алексей Николаевич мыслил не «предложениями», а «словосочетаниями» и даже «словами». Возьмем, к примеру, известное положение о взаи-

моотношении индивидуальной деятельности и родовой: первая должна быть *адекватной*, но *не тождественной* второй. Леонтьев говорит ведь не о том, что одну деятельность нельзя понимать как простую кальку с другой. В несовпадении «адекватности» и «нетождественности» коренится главная проблема, которую А.Н. Леонтьев поставил в книге «Деятельность. Сознание. Личность», — *проблема развития деятельности*. Она была по-разному подхвачена такими психологами, как В.В. Давыдов, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский и др., предложившими свои варианты ее решения. Ситуативный, хотя всегда закономерный, «сдвиг мотива на цель» (а это — один из ключевых механизмов развития деятельности) может стать тектоническим в индивидуальном сознании, радикально, порой необратимо, изменив способ отношения человека к миру и самому себе.

Книга Е.Е. Соколовой — о *потенциале* теории деятельности для развития наук о человеке в 21 веке. Очень важно заметить, что Е.Е. Соколова исследует не «эволюцию парадигмы», а историческую логику «развития деятельности» по построению теории деятельности — *ab ovo usque ad mala*, теории, которая и поныне пребывает в процессе *становления* (этот термин в заголовке книги несет не только исторический смысл).

В работе Е.Е. Соколовой проступает образ этого развивающегося целого с охватом источников его развития, включая неявные. При всей своей жестко выдерживаемой автором цельности, исследование развернуто в широчайшей исторической перспективе с осмыслением каждого фрагмента представленной генетической панорамы. В работе нет «нестреляющих ружей». Поэтому охватить все значимые нюансы (а значимы они все) в формате журнальной рецензии не представляется возможным. Поэтому ограничусь самым, на мой взгляд, важным.

Автор убеждает читателя в том, что ключ к своеобразию методологии «неклассической психологии», каковой являются культурно-историческая и теоретико-деятельностная психология, следует искать в классически-диалектической философии — традиции теоретизирования, укорененной в философии Спинозы. Как писал Гегель, «спинозизм — это начало всякого философствования», историческое и логическое начало. Даже Фихте Э.В. Ильенков, выдающийся философ-спинозист XX века, называл «Спинозой наоборот». «Неявный спинозизм» А.Н. Леонтьева — один из интереснейших сюжетов монографии Е.Е. Соколовой. К слову, Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева связывала дружба — но не только дружба, но и совместные размышления над проблемами теоретической психологии. Их следы нетрудно обнаружить в опубликованных текстах обоих авторов, хотя многое осталось в разговорах, которые мы никогда не услышим. И К. Маркс был значим для них настолько, насколько являлся спинозистом (для Ильенкова — еще и гегельянцем).

Начало и идеал научной психологии Л.С. Выготский усматривал в спинозизме (соответственно — в марксизме) — единственное, что могло быть

противопоставлено в его науке, как и в философии, картезианству, не только ныне здравствующему, но в чем-то переживающему второе рождение в 21 веке. Хотя картезианство почилло век назад вместе с... философией Бергсона. Прав А.М. Пятигорский: бергсонизм — «конец» нововременной европейской философии, в том смысле, что она является суммацией всех тех тупиков, в которые ее завел Декарт. С этой точки зрения, характеристика Пятигорским бергсонизма как возвращения к картезианству — продолжавшегося и после, но именно через Бергсона, в философии второй половины 20 века, абсолютно справедлива.

Впрочем, у Бергсона могла быть надежда выйти из картезианских тупиков. Она — в этой знаменитой формуле: «Наш ум — это металл, извлеченный из формы, а форма — это наши действия». Но, похоже, эта форма оказалась в бергсоновском толковании узковатой для того, чтобы из нее можно было бы извлечь такой металл. Мысль у Бергсона напоминает беззвучную, задышающуюся «спинозистскую» песню, которой «наступили на горло», обездвижив головной аппарат.

Во всех своих теоретико-психологических текстах Л.С. Выготский в той или иной форме боролся с картезианством, одерживал победы, но не успел создать спинозистскую психологию. Борьбу на смежном физиологическом, психофизиологическом «фронте» позже вел Н.А. Бернштейн, который «сражался» отнюдь не с И.П. Павловым (не уставая подчеркивать его величие в качестве физиолога), а с тем способом мышления, который лежал в основе его теории, прямо характеризуя его как картезианский.

Две версии монистической спинозистской психологии — и это их сближает, при всех различиях, — создали А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн. Е.Е. Соколова приходит именно к этому принципиальному выводу и дает его убедительную аргументацию. (Мы противопоставляли Выготского и Рубинштейна, но на кабинетной стене одного висел портрет Спинозы, а в дневниках другого он же возглавлял список главных философов.)

Е.Е. Соколова воссоздает основания, опираясь на которые А.Н. Леонтьев трактовал деятельность как *субстанцию* психического. И тем самым доказывает обоснованность упреков А.Н. Леонтьева в механистическом «деятельностном редукционизме» (где деятельность просто подставляется на место «поведения») — за этими упреками стоит традиционное понимание субстанции. Но спинозовская субстанция — это *causa sui*, причина самой себя. Традиционное понимание субстанции — ее картезианское, по происхождению, понимание в координатах стимулов-раздражителей и реакций.

Известный американский специалист по организационному консультированию Стивен Кови вычитал в одной книге (он не назвал источника) фразу, которая, как он утверждает, изменила его жизнь:

«Между раздражителем и нашей реакцией есть промежуток. В этом промежутке лежит наша свобода и наша способность выбирать свою реакцию. От нее зависит наше развитие и наше счастье»³. Но даже заполнив зазор между «раздражителем» и «реакцией» «свободой» и «способностью выбирать», мы не уйдем далеко от необихевиоризма. Эдвард Толмен просто назвал бы это *intervening variables* — «промежуточными переменными».

В том и дело: как только заявляет о себе «свобода» (не сводимая, кстати, к осуществлению самых разнообразных выборов), «раздражитель» тут же перестает быть «раздражителем», а «реакция» — «реакцией». «Раздражитель» уже не «раздражает», а заставляет задуматься, так как превращается в проблему, а та — в задачу. «Реакция» теряет приставку и становится «акцией», в пределе — творчеством. «Акция» не выбирается, а сама создается, творится (об этом — у Н.А. Бернштейна, В.П. Зинченко, М. Коула и Б.Д. Эльконина). «Решение проблемы» — лишь один из результатов этого процесса, и часто не в нем счастье, которое можно и «проспать» — вместе с «развитием», с тем, что изменилось в тебе самом.

Да, Леонтьев ставит «деятельность» между S и R. После обсуждения книги «Деятельность. Сознание. Личность» в 1975 г. к нему подошли в целом «сочувствующие» Ф.Т. Михайлов (рассказываю с его слов), А.С. Арсеньев, А.В. Брушлинский с недоумением: «Алексей Николаевич, что же Вы сделали? Понятием деятельности Вы только упрочили позиции бихевиоризма?». Они были правы. Введение понятия деятельности, в трактовке А.Н. Леонтьева (и С.Л. Рубинштейна), освобождает картину человеческого мира от диктата стимулов и угодничества реакций. Они просто не вписываются в нее. Этот радикальный «освободительный шаг» и совершил Леонтьев, сохранив бихевиористскую терминологию «по бокам». «Те же и Софья» (как у Грибоедова — «те же» уже не те же!)

Разумеется, надо понимать, что А.Н. Леонтьев сделал это в контексте спора с бихевиористами. Вне этого контекста такая подстановка утрачивает смысл. Леонтьев мыслил человеческую деятельность только внутри организма культуры, который ею и творится, и, конечно же, не считал культуру совокупностью особых — «социальных» стимулов. Отсюда — хотя бы его упрек в адрес Ж. Пиаже, который усматривал в мышлении как специфический механизм гомеостаза у человека: бессмысленно говорить об «уравновешивании с понятием», которым овладевает ребенок, писал А.Н. Леонтьев.

«Стимулам-раздражителям» и «реакциям» сегодня нет места даже в психофизике, которая ими занималась на протяжении всей своей исторической дороги от Фехнера к Стивенсу. Эксперименты показывают, что пороги элементарной чувствительности (скажем, болевой) могут сдвигаться у человека вверх или вниз в зависимости от того, какую задачу и как он решает, насколько для него значима ситуация, в кото-

³ Кови С. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М., 2009. С. 34.

рой возникает «стимул». К.В. Бардин создал для описания и объяснения таких феноменов целое направление — субъектную психофизику. Да и любая мама подтвердит: детский ушиб бывает вдвойне болезненным от досады, от обиды. И мы, дуя на ушибленное место, лупим «плохой стул», который не должен был здесь стоять и мешаться малышу под ногами в этом чудесном безопасном мире под названием «детская». Маленькой сферы большого мира под названием «человеческая предметность» (по Леонтьеву, «конституирующая характеристика деятельности»).

Мира значений — где смысловым весом наделены только собственные «силы» ребенка, человека, силы, которым еще только предстоит стать, по выражению Маркса, «сущностными», родовыми, а значит, по определению свободными. Ценой *особых усилий* со стороны тех, кто этими силами овладевает. Именно об индивидуальных усилиях по овладению родовыми, сущностными силами, продуктивной «энергией» человеческой деятельности — вся теория А.Н. Леонтьева. Это вытекает и из анализа, проведенного Е.Е. Соколовой.

Разумеется, автор не могла обойти дискуссионного вопроса о соотношении культурно-исторической теории Л.С. Выготского и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева. Их преемственность развернута на страницах не в виде констатации совпадений и созвучий, а в развитии, что предполагает «удержание» диалектических противоположностей, а, следовательно, не закрывает возможностей дальнейшего движения в дискуссионном поле.

Например, смысловое строение сознания у Выготского приобретает у А.Н. Леонтьева вид смысловых «следов» деятельности, что позволяет по-особому структурировать это строение. Е.Е. Соколова абсолютно справедливо называет теорию А.Н. Леонтьева «деятельностно-смысловой». Это указывает на ее своеобразие, позволяя четко и недвусмысленно выделить ее в ряду других (в том числе «дочерних») версий деятельностного подхода.

По А.Н. Леонтьеву, психика — не просто «образ», а всегда «смыслообраз» (термин Я.Л. Голосовкера) мира, без которого «образ мира» останется осколочным. А индивидуальная деятельность — инструмент

поиска и производства смысла для того, чтобы внести его в то, что уже наделено значением в процессе исторического развития родовой деятельности. «Смыслопроизводство» всегда актуализирует результаты деятельности «со значением». Но ведь ее порождение — культура — это не только то, что «общезначимо», но и то, что делает каждого из людей заочно небезразличными друг другу. Отсюда — и культурная объективация смыслов, а не только значений. А.Н. Леонтьев даже называл сферу деятельности, в которой смыслы объективируются (добраиваясь!) и транслируются от поколения в поколение. Это — искусство, с анализа которого Л.С. Выготский совсем неслучайно начал строительство своей «неклассической», объективной, психологии, проникая в тайны рождения предельно «субъективного», самого интимного — человеческого переживания.

Так и А.Н. Леонтьев не сводит личность к «системе деятельностей», а через деятельность расширяет границы личностного мира до масштабов большого человеческого, без утраты его глубинной самобытности. Более того, как и у Выготского — это движение от «вершинной психологии» к «глубинной», не фрейдовского типа.

Отсюда — необходимость в «системном», по выражению Е.Е. Соколовой, монизме. Монизм — вопрос об истине, которая «всегда конкретна» (по автору — «системна»), а плюрализм — вопрос о мнениях. Их широчайшая панорама также представлена в работе.

Интереснейшим образом в книге раскрывается взаимоотношение теории деятельности А.Н. Леонтьева с другими попытками строить на базе этого понятия психологические концепции, которые принадлежат С.Л. Рубинштейну, П.Я. Гальперину, Д.Б. Эльконину и др. На этом фоне вклад этих авторов в несомненно «общее дело» (при всех, порой острейших, дискуссиях, которые велись ими друг с другом) становится значительно более рельефным.

В теоретико-историческом исследовании Е.Е. Соколовой читателю предстают не только корни, ствол и крона дерева психологической теории деятельности, но и та среда, в которой оно выросло и продолжает расти. Дерево — вечнозеленое, в чем убеждает и книга.

Информация об авторах

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ, Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ), профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vt kud@mail.ru

Information about the authors

Vladimir T. Kudryavtsev, professor of the Directorate of Educational Programs of the Moscow City University, professor of the UNESCO Department of Cultural and historical psychology of childhood, Moscow state University of psychology and education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vt kud@mail.ru

Получена 03.03.2023

Принята в печать 21.03.2023

Received 03.03.2023

Accepted 21.03.2023